

УДК 81'42'22

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

И.А. Стернин. Мифологические лингвистические концепты в обыденном языковом сознании. В статье рассматриваются некоторые лингвистические мифы, получившие распространение в обыденном сознании, и проблема их выявления. Показывается, что в последнее время в силу ряда социальных причин получает все более широкое распространение «любительский подход» к лингвистическим фактам, которые, претендуя на научность, искажают реальные научные представления о языке и формируют в обыденном сознании искаженные представления о происходящих в современном языке процессах. В связи с этим важно различать научно установленные факты и мифологические представления о языке в обыденном сознании.

Ключевые слова: лингвистика, мифология, научное сознание, стереотип, языковое сознание.

І.А. Стернин. Міфологічні лінгвістичні концепти в повсякденній мовній свідомості. У статті розглядаються деякі лінгвістичні міфи, поширені в повсякденній свідомості, і проблема їх виявлення. Демонструється, що останнім часом у силу ряду соціальних причин отримує все більш широке поширення «аматорський підхід» до лінгвістичних фактів, які, претендуючи на науковість, спотворюють реальні наукові уявлення про мову і формують в повсякденній свідомості спотворені уявлення про процеси, що відбуваються в сучасній мові. У зв'язку з цим важливо розрізняти науково встановлені факти і міфологічні уявлення про мову в повсякденній свідомості.

Ключові слова: лінгвістика, міфологія, наукова свідомість, стереотип, мовна свідомість.

I.A. Sternin. Mythological concepts in everyday linguistic consciousness: The article analyses some linguistic myths extended in everyday consciousness as well as the issue of their detection. Recently, due to some social reasons an “amateur’s approach” to linguistic facts is widely used, which though claiming its scientific nature, deviates from real scientific underpinnings of language analysis and affect everyday consciousness forming distorted ideas of the current processes in the Russian language. This stipulates the necessity to differentiate scientific facts and mythological ideas of language in everyday consciousness.

Key words: everyday consciousness, linguistics, mythology, scientific consciousness, stereotype.

1. Введение

Обсуждение вопроса лингвистической мифологии выводит нас, прежде всего, на **актуальную** проблему существования в сознании людей мифологических концептов – типа *кентавр, русалка, леший, баба-яга* и под., существующих в сознании, но не представленных реальными явлениями в объективной действительности.

В числе мифологических концептов есть определенное количество *лингвистических* мифологических концептов и стереотипов, то есть концептов и стереотипов, отражающих мифологические лингвистические представления носителей обыденного сознания, их бытовое *представление* о языке, особенностях и закономерностях его функционирования.

Объектом исследования в статье выступают мифологические лингвистические концепты и стереотипы в обыденном языковом сознании в том виде, в котором они формируются в результате рефлексии бытового сознания над языком.

К таким мифологическим лингвистическим концептам в русском обыденном языковом сознании, по нашему мнению, могут быть отнесены *чистота языка, порча языка, регресс (деградация) языка, прогресс языка, засорение языка, удобство языка, легкость/трудность языка, красота языка, бедность/богатство языка* и нек. др.

Есть и мифологические лингвистические стереотипы, например: *словарь Даля – лучший словарь русского языка, язык, в котором больше слов, хороший и развитый, а в котором мало слов – плохой и неразвитый; раньше в русском языке были хорошие, красивые слова, а сейчас уродливые и некрасивые; русский язык портится; русский язык хотят уничтожить; иностранные слова портят язык; сленг и жаргон портят язык; немецкий язык грубый; итальянский язык красивый; французский язык красивый; финны говорят медленно; английский язык легкий; китайский язык трудный; в зрелом возрасте язык не выучить; русский язык удобнее других языков для общения* и т. д.

Есть также псевдонаучные стереотипы, выдаваемые за исследования ученых: *от мамы вянут цветы, изменяется структура воды и изменяется геном человека; язык – это словарь, а учить язык – это запоминать много слов; русский язык изначально состоял из хороших слов, а плохие слова, например, мат, принесли в русский язык татары, а если не они – то евреи* и под.

Любопытно, что обыденное сознание носителей других языков часто весьма похоже на русское. Так, В.Б. Кашкин (Кашкин 2008: 36–38) приводит сведения французских лингвистов М. Дебрэн и Марины Ягелло об основных мифах французского обыденного языкового сознания: *французский язык портится; английский язык – это легко; русский – мелодичный язык; лингвист знает все о языке и о языках; лингвист безошибочно грамотен; лингвист борется за чистоту языка; изучение иностранного языка означает заучивание всех слов этого языка; перевод невозможен из-за принципиальной несводимости одного языка к другому; языки разнятся между собой тем, что одни «бедны», а другие «богаты»; одни языки «просты», а другие «сложны»; родной язык никогда не забывают; ностальгические стереотипы о родном языке часто возникают у людей, вынужденных по политическим или экономическим причинам говорить на другом языке; в китайском языке нет грамматики (понятие грамматика отождествляется с морфологией); если слова нет в словаре, его нет и в языке (это представление устойчиво во Франции); пуризм; возведение «мертвых» языков в идеал; поиски идеального языка; живучесть любого языка связана с его «красотой», «логичностью», «легкостью» или каким-либо другим качеством; французский язык – логичен; французский язык – сложный язык; родной язык богат нюансами и тонкостями, которых нет в более «примитивных» языках* и др.

Цель статьи – показать, что необходимо различать научно установленные факты и мифологические представления о языке в обыденном сознании.

2. Мифологические концепты и стереотипы в обыденном языковом сознании

Основными показателями мифологичности тех или иных *концептов* являются следующие:

1. Мифологические концепты не входят в научную лингвистическую парадигму и не имеют научного определения.
2. Мифологические концепты имеют в языке только метафорическое обозначение, раскрыть их содержание без метафоры оказывается невозможно – они не могут быть истолкованы содержательно как совокупность некоторых конкретных признаков.
3. Они имеют общественно-политическую аксиологию, широко используются в общественно-политических дискуссиях как общественно-политические лозунги, часто – в популистских, а нередко и в националистических целях.

Показателями мифологичности лингвистических *стереотипов* являются следующие:

1. Они не имеют научного подтверждения, распространяются исключительно неспециалистами, «лингвистами-любителями».

2. Носители стереотипов подтверждают эти стереотипы ссылками на мифические научные доказательства фразами типа «ученые установили», «установлено, что» с приведением некоторых мифических цифр, процентов и т.д.

3. Подобные стереотипы устойчиво передаются из поколения в поколение, причем на их существование не влияет многократное опровержение этих стереотипов учеными и специалистами, поскольку носители и распространители таких стереотипов не общаются со специалистами либо заранее отвергают их пояснения, объявляя научные пояснения неправильными, устаревшими или антипатриотичными.

Прокомментируем некоторые из вышеназванных лингвистических мифов.

Богатство языка

Нет никаких научных критериев для определения, «бедным» является язык или «богатым»: любой язык полностью удовлетворяет потребности своих носителей благодаря полисемии, синонимии, словообразованию либо заимствованиям. Тем самым любой «действующий» язык – богатый.

Сложность языка

Для лингвиста не существует понятия «сложности языка» или даже «сложности для изучения» языка. Это тоже мифологический концепт – сложно или легко изучать не язык вообще, а конкретный язык конкретному человеку с конкретной языковой подготовкой, конкретным родным языком, конкретным знанием других языков, лицу конкретного возраста, с конкретными целями изучения языка и т.п.

Порча, загрязнение, засорение языка

Общераспространенным практически во всех развитых странах является мифологический стереотип о *загрязнении, засорении языка* – о том, что язык портится и загрязняется. *Порча, загрязнение, засорение языка* – тоже мифологические концепты. В лингвистической науке нет содержательных критериев «чистоты языка». Нет научных критериев «здоровья» языка или его «чистоты» – это все оценочные суждения, основанные на личных вкусах, пристрастиях или просто заблуждениях конкретного носителя языка.

Популярный стереотип – *надо бороться за чистоту языка*. Бороться надо за *культуру речи*, а не за чистоту языка.

Для лингвиста понятно, что любой язык развивается и изменяется, и ни то, ни другое не является его порчей или загрязнением. С точки зрения лингвистики нельзя дать оценку тех или иных изменений с позиции «хорошо-плохо» или «прогресс-деградация», хотя такие оценки регулярно «выдает» мифологическое языковое сознание носителей языка и они «гуляют» в общественном сознании.

Кризис языка

Мифологичен концепт «кризис языка». Язык зеркально отражает состояние современного ему общества, и он принципиально не может быть в кризисе, поскольку является системой знаков, которая обслуживает общество, полностью отражая и удовлетворяя его текущие коммуникативные потребности. В кризисе может быть общество, но не его язык. Однако может наблюдаться кризис культуры речи – когда люди перестают следить за своей речью (это у нас сейчас наблюдается), но это *кризис именно культуры речи*, а не языка как системы номинативных знаков.

Еще один распространенный стереотип – *новые иностранные слова портят язык*.

Любые новые слова, в том числе иностранные, сленг, жаргон *язык* не портят, они язык *обогащают*, обеспечивают динамику его развития. Для любого языка увеличение словарного состава в любом его «сегменте» – благо, так чем больше слов, тем больше у языка номинативных возможностей, тем он удобнее для выполнения коммуникативных функций в разных ситуациях его использования. Новые иностранные слова могут «портить» *речь*

людей – если они в тех или иных случаях неправильно употребляются, непонятны собеседнику или аудитории, когда они наносят ущерб пониманию смысла слушателями. Сленг и жаргон портят речь человека, если человек использует их в публичной речи, в общении с незнакомыми или малознакомыми, в общении со старшими и под. – то есть неуместно, не в тех ситуациях, для которых эти слова предназначены. А между «своими» такие слова могут быть уместны, там им и место.

Именно описанные выше концепты относятся нами к категории мифологических – то есть отражающие не объективную действительность, не научно установленную данность, а некоторое устойчивое псевдонаучное бытовое представление о языке.

Однако для языкового сознания мифоносителей смысл рассмотренных выше мифологических концептов и стереотипов предельно ясен: признание этих понятий предполагает, что языком можно руководить через разного рода постановления запретительного свойства, к принятию которых мифоносители регулярно призывают.

К сожалению, такое восприятие нередко находит отражение и в официальных документах, и особенно в их проектах (например, к счастью, отклоненный российской Думой проект В.В. Жириновского с его коллегами о запрете в русском языке «иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги» – типа *менеджер*, вместо него В.В. Жириновский предлагал использовать слово *приказчик*).

Частота и общественный резонанс обращения к этим концептам и стереотипам в современной социальной действительности требуют проявления к ним особого научного внимания, чтобы общественное мнение и деятельность не были бы направлены по ложному пути и не использовались для социальной демагогии и борьбы с ветряными мельницами.

Полностью согласимся с предостережением профессора Н.Д. Голева: в настоящее время «есть опасность, что ученым придется оперировать концептами естественного языка, оставшись в определенном смысле в лоне наивной науки..., пользоваться ценностями, представлениями и мифами обыденного сознания и приказами политиков. ... Именно научный подход к языковому строительству должен быть противопоставлен линии официализации и легитимизации языка, вытекающей из представлений обыденного национального метаязыкового сознания. При этом важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность обыденного фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка; в том числе воздействия представлений о языке в сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они соответствуют представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться» [Голев 2009: 396].

Н.Б. Лебедева выделяет 4 вида знаний в структуре языкового сознания, каждое из которых может быть осознанным и неосознанным:

1. **«Знание языка»** – это языковая компетенция, умение говорить и понимать. Знание языка предполагает владение языком как родным, полученным в дар от своих родителей («материнский язык»), так и неродным, приобретенным позже (второй язык). Сфера **неосознаваемого** знания языка предполагает спонтанное владение языком, основанное на интуиции, на «чувстве языка», включает механизмы автоматизма, навыка. Выбор слов, грамматических норм, стилистических средств в этой сфере происходит спонтанно, опираясь на языковое чувство, чутье. Обучение родному языку также происходит в очень ранний период детства также спонтанно, автоматически» (Лебедева 2009: 61).

2. **«Знания о языке»** ...назовем лингвистической компетенцией пользователей языка, важнейшей составляющей которых являются «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека...» [Арутюнова: 7]. Это метаязыковые знания «простых» носителей языка, не знакомых вообще или знакомых в незначительной степени с «лингвистической премудростью», когда в процессе

порождения, и в процессе восприятия речи говорящий и слушающий непроизвольно оценивают речевые произведения как правильные или неправильные» (Лебедева 2009: 63).

3. «**Знания в языке**» – знания, отраженные в языке, в его грамматических формах, лексике, речевых жанрах. К неосознаваемому виду ментальности «знания в языке» относятся такие понятия, как «языковая картина мира», «языковая категоризация», «образы языка, отраженные в самом языке» [Арутюнова, 2000: 7] как часть «образов мира, отраженных в языке» (Лебедева 2009: 65).

Знания в языке – это языковая картина мира, то есть отражение действительности в семантике языковых единиц.

4. «**Знания на языке**», которые «включают в себя всю информацию, зафиксированную в текстах, произнесенных и написанных на данном языке, непосредственно воспринятую слушающим и читающим», а также «различные рефлексии по поводу этой информации, в основном, профессионалами (стилистика, литературоведение и пр. науки, основанные на анализе текстов)» (Лебедева 2009: 65).

Последний вид знаний, представляет собой совокупность языковых высказываний о действительности. Полностью огласимся с Н.Б. Лебедевой, предостерегающей от включения знаний этого типа в собственно языковые («иногда в некоторых концептуальных исследованиях мы находим крен в сторону интерпретации текстовой информации как языкового – концептуального – знания. Думается, это слишком сильная гипотеза – отождествлять зафиксированное на данном языке (например, в поэтических текстах) с собственно языковым знанием» [Лебедева 2009: 65]). Эти знания находятся в концептуальной сфере и могут в отдельных случаях актуализироваться в речи при вербализации концепта (например, прецедентные знания, текстовые реминисценции – в опоре на их общеизвестность для социума), но частью *языковой* информации они, очевидно, не являются, оставаясь в концептуальной сфере.

Таким образом, исходя из приведенной классификации знаний в структуре языкового сознания, обыденное языковое сознание включает:

1) знание единиц языка и их значений (носителя языка при этом могут не знать единиц или иметь неправильные представления о значении) – языковое знание;

2) знания о языковой технологии (употреблении языка, языковых и стилистических нормах, сочетаемости языковых единиц, коммуникативных нормах, речевом этикете, правилах создания текстов разных типов и жанров, о речевом воздействии) – коммуникативно-языковое знание;

3) знания об устройстве языка, в том числе мнения и суждения о его сложности, богатстве, происхождении, заимствовании, развитии, энциклопедические сведения о языках и эмоциональную оценку разных языков и др. – метаязыковые знания.

Иными словами, в обыденное языковое сознание входят психологически реальные значения слов, правила сочетания слов и построения текстов, акустико-артикуляционные навыки речевой деятельности, нормы и правила коммуникативного поведения, а также рефлексивные знания о языке – мнения и суждения о языке, в том числе мифологические и просто ошибочные. Все это составляет содержание обыденного языкового сознания.

Мифологические лингвистические концепты и стереотипы, таким образом, являются частью обыденного языкового сознания носителя языка.

Разумеется, мифологической составляющей содержание обыденного языкового сознания не исчерпывается, но мифологический компонент обыденного языкового сознания существует, он составляет важную и часто весьма яркую часть обыденного языкового сознания и нуждается в тщательном изучении, тем более что именно на этой части языковой информации в обществе строятся различные политические кампании по «защите» языка, «пропаганде» языка, строится та или иная государственная политика, вырабатывается культурно-образовательная идеология общества.

Исследование проблемы ментальных мифов сознания приводит к необходимости признать наиболее распространенные и вредоносные из них ментальными вирусами: когда мифами спекулируют, они становятся *ментальными вирусами*.

Ментальный вирус языкового сознания – это стойкое повторяющееся и тиражируемое, часто из поколения в поколение, заблуждение обыденного сознания о языке, некоторый устойчивый миф о языке. Распространению ментальных вирусов надо противостоять научным анализом и разъяснительной работой.

Филологи должны бороться с ментальными вирусами, преодолевать лингвистические мифы в сознании народа. Это позволит повысить уровень владения языком и культурой речи и не будет уводить людей в бесплодные антинаучные умствования по поводу разрушения языка, его порчи, вредоносной деятельности неких мифических злокозненных сил, а будет ориентировать людей на практическую работу по совершенствованию своих языковых навыков и повышению речевой культуры общества.

И еще один важный момент: лингвистические мифы обыденного сознания не могут и не должны поддерживать и транслировать сами ученые, какими бы благими, «патриотическими» и публицистическими причинами они при этом данное обстоятельство не объясняли: долг ученого нести научное, а не псевдознание. К сожалению подобных случаев в последнее время довольно много, ненаучные популистские высказывания делаются публично, будоражат общественное мнение, тем более когда они подаются как выражение патриотизма, любви к своему языку и народу (и всегда, при этом, отметим, скрытой критики других языков и народов).

3. Мифологические концепты в научной и популярной литературе

Популистские мифологические концепты и стереотипы проникают и в научно-популярную литературу по лингвистике и даже в некоторые научные издания.

Укажем в связи с этим на следующие обстоятельства, представляющиеся нам особенно важными и принципиальными.

А. Нельзя при анализе языковых явлений отождествлять язык и речь

Например, не избежал этого известный отечественный специалист по культуре русской речи Л.И. Скворцов, который в статье ЖАРГОН в энциклопедии «Русский язык» написал в конце научной статьи: «Нарочитое или бездумное употребление жаргонной лексики и фразеологии засоряет и огрубляет разговорную речь» [Русский язык 1997: 130]. А что такое *нарочитое* употребление? А *бездумное* употребление? Это нарушение норм культуры речи? В чем проявляется при этом «засорение и огрубление разговорной речи»? Каковы критерии засорения речи? Огрубления речи? А *засорение языка* – это что? Все это не характеристика *языка*, а характеристика индивидуальной *речи* отдельных носителей языка, которых критик наблюдает вокруг себя и к речевой деятельности которых он критически относится.

Разграничение языка и речи – базовая аксиома научного исследования и описания языка. Если говорить о языке, его испортить просто нельзя – язык представляет собой склад языковых возможностей для использования их в коммуникации. Каждый берет из языка то, что считает нужным для выражения своей мысли в конкретной коммуникативной ситуации.

Речь отдельного человека может рассматриваться как «испорченная» – то есть такая, которая мне (и, возможно, еще кому-то) не нравится – однако научных критериев хорошей речи, как мы указывали выше, нет.

Есть определенные критерии культуры речи, основной из которых (если не единственный!) – уместность речевого словоупотребления. Но это характеристика именно индивидуальной речи, а не языка как системы.

Уместности речевого употребления можно и надо учить, это и есть формирование культуры речи. Жаргон уместен внутри «своих», внутри группы жаргононосителей, там он выполняет свои функции, но он неуместен в публичной речи, в официальных коммуникативных ситуациях. Если человек этого не понимает, это доказательство его низкой речевой и общей культуры, неумения строить свою речь, но не свидетельство причинения им порчи русскому языку.

Что такое «излишнее употребление иностранных слов»? Кто определит (и кто может определить), сколько можно употреблять иностранных слов, а сколько – уже нельзя? И в каких ситуациях? В каких текстах? Это все вкусовые критерии, причем невербализуемые. А разговоры на эту тему обычно оканчиваются фразами типа «Нет, все-таки должны быть какие-то пределы, границы». А какие? «Какие-то» – субъективно-оценочный, а не научный критерий.

Если мне не нравятся пробки на дорогах, это не значит, что надо призывать к запрету автомобилей, надо упорядочить движение автомобилей и пользование ими. Не нравится речь окружающих – надо учить их нормативности и уместности словоупотребления, а не призывать к запрету тех или иных слов и выражений.

Б. Нельзя отождествлять внутреннюю форму слов и выражений с актуальными представлениями говорящих людей и, тем более, с «хранилищем» неких духовных ценностей.

Ср., например, рассуждение профессора-литературоведа: «В лексической структуре русского языка есть глубинные смыслы, которые сохраняют ценностные ориентиры. Например, в русском языке очень много слов с корнем «душ» (душа): душеполезный, добродушный, простодушный. Мы скажем «в комнате ни души», а англичане, как хорошо отметил Михаил Задорнов, – «nobody» (грубо говоря, “ни тела»). В русском сознании человек определялся по душе. В этом большая ценность языка, в частности в политическом смысле: он позволяет сохранить ценности, гуманитарную и гуманистическую составляющие. И это важно, ведь в политике часто фигурируют другие ценности» (Воронежский курьер, 30 июня 2015, «Поддержки не ощущаем»).

Отождествление внутренней формы слова с некими духовными ценностями народа с научной точки зрения не имеет оснований, это *вульгарная лингвокультурология*. Это, может быть, простительно юмористу Задорнову – он шутит, и все его лингвистические рассуждения ориентированы на то, чтобы вызвать у публики удивление и смех – (ср. его пояснение происхождения слова богатырь – кто *богато натырил*), но никак не ученому, тем более филологу.

Ни о какой душе не думает русский человек, когда он говорит *ни души в комнате* – он имеет в виду, что в комнате просто совсем никого нет. Духовные ценности выражение *ни души* не «сохраняет», оно сохраняет лишь указание на свое происхождение. Духовность – феномен сознания человека, его психики, но никак не семантики слова

Отождествление внутренней формы слова с теми или иными ценностями, духовностью не имеет под собой никакой научной основы.

Духовность русского народа неоспорима, но она сохраняется не благодаря существованию нескольких слов словам с корнем *душа*, а благодаря преемственности в жизни общества. Именно нарушение преемственности может привести к снижению уровня духовности народа. Язык не *хранит* духовность и ценности, он *называет* их, позволяет их *обсуждать*.

Духовность, те или иные ценности при помощи языка *фиксируются, номинируются*, а также *сообщаются* – тогда, когда духовность, ценности *обсуждаются*, но в самом языке никакие ценности и никакая духовность не «содержится» и не «хранится». Языком можно, кстати, говорить и совершенно бездуховные вещи – это ведь вовсе не значит, что язык «хранит» и «содержит» бездуховность, несет в себе бездуховность?

Язык не отвечает за духовность говорящих на нем людей и народа в целом, за национальные ценности тем более – как трактор не отвечает за урожай: за урожай отвечают люди, работающие на тракторах.

Научный подход к языку однозначно свидетельствует о сказанном выше.

И об иностранных словах.

Если кому-то не нравится, что вокруг него много стало звучать иностранных слов, пусть он борется с теми людьми, в чьей речи они звучат – пусть объяснит им (попробует!), почему их надо употреблять меньше, – чтобы речь была понятнее для слушателей; пусть объяснит, как их правильно употреблять, где они уместны, а где нет. Но пусть при этом он не апеллирует к тому, что употребляющие иностранные слова люди *портят русский язык, засоряют русский язык*, а он пусть не думает, что при этом он якобы *защищает русский язык* – он в лучшем случае заботится о культуре речи людей, хотя в большинстве случаев такая личность обычно не выходит за рамки возмущения отдельными словами и словоупотреблениями.

В. Нельзя отождествлять личное субъективно-оценочное неприятие тех или иных слов и выражений с порчей языка и подрывом национальных ценностей.

Многим жителям Воронежа непонятно и вызывает их возмущение выражение «городской округ г. Воронеж». Действительно, звучит неуклюже и странно. Но это термин из принятого закона об административном делении РФ. Это бюрократический, официальный административный термин. Его можно критиковать, но его нельзя исключить из официального документооборота, нельзя не употреблять в официальных бумагах.

Ср. также высказывание одного профессора-филолога о термине «рынок образовательных услуг»:

«Не может душа жить на рынке, она туда на час заходит, за продуктами. Она должна жить на ниве просвещения. А тот, кто подвизается на рынке образовательных услуг, торгует душой и продает родину!» (Воронежский курьер, 5 февраля 2011 г.).

Если слово или термин кому-либо, в том числе и филологу, не нравится, можно его не употреблять, можно мотивировать с научной точки зрения его замены, найти лингвистические аргументы для его замены, но нельзя отказывать ему в праве на существование – если это не ошибка, а просто новое слово или выражение. Язык непрерывно развивается, и это не имеет никакого отношения к идеологии и патриотизму – у него свои законы

А обвинять использующих новые слова, значения, термины людей в измене родине – вообще за пределами понимания нормального человека.

Мне лично, например, не нравятся некоторые слова и выражения: *деверь, золовка, франшиза, сорочка, большой разговор, в проблеме разбирался* (журналист такой-то разбирался – обычно он ни в чем не разбирается), молодежное «*днюха*» – день рождения. Но это мое личное мнение, личное отношение к словам, и я как лингвист, как ученый не могу призывать эти слова запрещать – их употребление в русском языке никак не ошибка. А как носитель языка я лично могу их избегать в употреблении.

Надо различать эмоциональное отношение к языковым фактам, личные языковые пристрастия с одной стороны, и научный подход – с другой. Для ученого именно научный подход является основным. Он в первую очередь должен разграничивать личные эмоции, личностные пристрастия при интерпретации языковых изменений и объективный научный подход к языку. Тем более ученый, особенно филолог, не должен категорично транслировать свои субъективные оценки и псевдонаучные лингвистические мифы в общественное сознание – именно потому, что он *ученый* и его миссия – нести научные знания, а не поддерживать и тиражировать научные мифы.

Избавиться в обществе от мифов, в том числе лингвистических, вряд ли возможно – мифы необыкновенно устойчивы. Но мифы ждут выявления, объяснения и смыслового истолкования со стороны науки.

4. Выводы

Подчеркнем еще раз, что мифологические концепты и стереотипы в принципе не поддаются однозначному истолкованию. Однако, объясняя мифологичность того или иного лингвистического концепта или стереотипа, можно предложить «мифоносителям» приблизительные, возможные варианты понимания высказываний, содержащих эти концепты и стереотипы – с целью пояснить, в каком реальном смысле данные высказывания фактически функционируют в речи, как их можно понимать и интерпретировать. Например:

Русский язык – великий и могучий – *я очень люблю русский язык, он мне очень нравится.*

Русский язык наводнили иностранные слова – *я слышу вокруг много иностранных слов, которые я не понимаю, и они меня раздражают.*

Русский язык наводнен жаргоном и сленгом – *я слышу вокруг много жаргона и сленга, которые мне не нравятся и которые меня раздражают.*

Язык – душа нации – *язык важен для существования нации.*

Русский язык портят – *я слышу вокруг очень много слов, которые мне не нравятся.*

Я защищаю русский язык – *я люблю русский язык, призываю людей обращать на него внимание, следить за своей речью* (защищать русский язык не от кого – никто на него не нападает) и под.

Такой подход, не отрицая факта существования стереотипов, позволяет объяснить носителям этих стереотипов реальный смысл соответствующих высказываний и ориентировать носителей языка на не-буквальное понимание этих стереотипов.

Лингвистические мифы и стереотипы подлежат выявлению и преодолению, и это одна из важных **перспективных** общественных задач ученых-филологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: кол. монография ; отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 371–386.
2. Кашкин В.Б. Научные теории и бытовые представления о языке / В.Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. – Кемерово : Барнаул, 2008. – С. 30–44.
3. Лебедева Н.Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов (опыт группового портрета) / Н.Б. Лебедева // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: кол. монография ; отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 313–321.
4. Русский язык. Энциклопедия / [гл. ред. Караулов Ю.Н.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с.

REFERENCES

Golev N.D. Russkoe obydennoe metajazykovoe soznanie i jazykovoe stroitel'stvo [Russian ordinary metalanguage consciousness and language building]. In: N.D. Golev (Ed.). *Obydennoe metajazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and gnosiological aspects] (pp. 371–386). Kemerovo, Barnaul: Izd-vo Alt. Univ. Publ.

- Karaulov, Ju. (Ed.). (1997). *Russkij jazyk. Jenciklopedija [The Russian Language. Encyclopaedia]*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Drofa.
- Kashkin, V.B. (2008). Nauchnye teorii i bytovye predstavlenija o jazyke [Scientific theories and domestic ideas about a language]. *Obydennoe metajazykovoe soznanie i naivnaja lingvistika. – Ordinary metalanguage consciousness and naive linguistics*, 30–44 (in Russian).
- Lebedeva, N.B. (2009). Osobennosti metajazykovogo soznanija professional'nyh juristov (opyt gruppovogo portreta) [Features of metalanguage consciousness of professional lawyers (experience of group portrait)]. In: N.D. Golev (Ed.). *Obydennoe metajazykovoe soznanie: ontologičeskie i gnoseologičeskie aspekty [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and gnosiological aspects]* (pp. 313–321). Kemerovo, Barnaul: Izd-vo Alt. Univ. Publ.

Стернин Иосиф Абрамович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета, директор Центра коммуникативных исследований ВГУ (Университетская пл., 1, Воронеж, 394006, Россия); e-mail: sterninia@mail.ru; личный сайт sterninia.ru.

Sternin Iosif Abramovich – doctor of Philological sciences, Honored Science Worker of the Russian Federation, professor at general linguistics and stylistics chair, Voronezh University, Head of the Centre for communicative studies (University sq., 1, Voronezh, 394006, Russia); e-mail: sterninia@mail.ru; homepage: sterninia.ru.